

Светлана БАЛАБАЙ

ПРАГМАТИЗМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОИСК НОВОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

В статье рассматриваются ценностные и методологические аспекты современного образования. Автор утверждает, что темпоральность имплицитно присутствует в образовательном процессе, определяя его ценностные детерминанты. Valuable and methodological aspects of modern education are considered in the article. The author claims that the temporality is implicitly contained in educational process, defining its valuable determinants.

Ключевые слова:

образование, образовательные практики, знание, прагматизм, темпоральность; education, educational practices, knowledge, pragmatism, temporality.

Современное образование как конкретная социальная практика находится в русле кардинальных изменений, свидетельством которых являются многочисленные реформы, вызывающие бурные, а порой даже ожесточенные дискуссии. Это находит отражение в разрастании педагогических концепций, появлении новых форм образовательных учреждений, инновационных обучающих программ и учебников. Традиционно образование понимают как систему подготовки специалистов. В этом случае главный акцент делается на профессиональной подготовке, и именно этому посвящен состав знаний и навыков. Однако формирование личности и гражданина лишь декларируется, но в действительности остается за скобками современного образования в России. Устранение личностного компонента способствует транслированию знания-информации, без ее дальнейшего осмысления и глубинного понимания.

Кажущаяся доступность информации в безбрежном пространстве коммуникативных сетей приводит на самом деле к фрагментации культурного опыта, делая сознание клиповым и разорванным. Конечно, сети дают большие возможности для поиска реальных и уникальных знаний, но ими, как и свободой, необходимо уметь и хотеть правильно воспользоваться. Когда знание базировалось на бумажных носителях, тоже можно было при желании найти умную и хорошую книгу, которая могла иметь судьбоносное значение. Но сколько людей использовало эту возможность? Сейчас ситуация изменилась количественно, но приведет ли это к новому качеству? И к тому качеству, которое мы хотели бы, а не к совсем другому, более угрожающему, чем прошлая безграмотность и бескультурье? Сейчас налицо все признаки информационного натиска, когда воинственное невежество становится глобальным, опираясь на авторитет Интернета. При этом преподаватель превращается из ученого и педагога в тьютора, задачей которого становится лишь оказание помощи студенту в освоении материала из сети.

Главной ценностью объявляется прагматизм, причем СМИ искусственно приписывают эти установки молодежи и всячески навязывают их. Хотя история науки и образования свидетельствует о том, что корыстная выгода и утилитарная польза никогда не были подлинным двигателем человеческой мысли. Прагматизм и практичность, а попросту жадность и жажда обогащения не являются основными мотивами научного творчества и образования. Целью же действительного образования выступает формирование внутрен-

БАЛАБАЙ

Светлана

Валерьевна –

к. филос. н., доцент

кафедры философии

и политологии

СГСЭУ

narrativ63@mail.ru

ней мотивации на основе надличностных, т.е. выходящих за пределы времени жизни данного человека, можно сказать «вечных», ценностей.

Так, Й. Хейзинга отмечает: «Средний житель в странах Запада сегодня информирован обо всем понемногу, и он реже и реже оказывается в условиях, где от него требуется собственное мышление и самопроявление»¹. По мысли философа, такое пестрое и в то же время поверхностное знание, такой духовный горизонт, слишком широкий для глаз, не вооруженных критической оптикой, должны неминуемо привести к упадку способности суждения². Собственно, тенденция к полной формализации охватывает весь человеческий опыт, осмысленный на данном этапе через призму всеобщей компьютеризации. В такой ситуации человек вынужден становиться прагматичным, расчётливым, но менее эмоциональным и нравственным, мало способным к творчеству, не умеющим и не желающим оценить и создать прекрасное. Можно утверждать, что основной тенденцией в образовании становится погоня за знаниями, информацией, за материальными ценностями, которая диссонирует с присущей человеку потребностью в понимании и гармоничном развитии.

Благодаря информационным технологиям происходит эффективное отчуждение современного человека от целевого проектного действия. И как следствие — отказ информационного общества в целом от всех важнейших принципов, обеспечивающих саму возможность такого действия, — от целеполагания, самоопределения, замысливания и т.д.³. А эталонное, стандартизированное знание, которое необходимо осваивается в больших объемах школьниками и студентами, является внешним, формальным, стандартизированным. Такое знание не может способствовать развитию навыков самостоятельного мышления и формированию мировоззренческой шкалы ценностей. В этой ситуации формирование мировоззрения происходит стихийно, под влиянием средств массовой коммуникации и идео-

логического прессинга, вызывая интерес к внешней стороне приобретения знания, а именно к навыкам практической деятельности, столь необходимым в информационном обществе.

Итак, рост информационно-телекоммуникационных сетей и быстрая интернетизация ведут к изменениями в проблемном поле образовательного знания. Расширение информационного пространства и развитие социальных сетей способствуют тому, что проблема получения знания принципиально изменяется, превращаясь в потребление информации. В современную эпоху вряд ли возможно игнорировать особенности получения информации через Интернет. Наоборот, необходимо признать указанные особенности существования современного общества знания в качестве онтологических и трансформировать процесс образования. Вместе с тем возникают вопросы следующего характера: «Отвечают ли технологии и алгоритмы информационно-коммуникативных структур стратегии становления творческого мышления и рефлексивно-критического самосознания личности? Каким именно типам личностного развития отвечают принципы компьютерной коммуникации?» И самый, на наш взгляд, главный вопрос: «Какого рода трансформации претерпевают ценности традиционных знаний и универсалий общечеловеческой гуманистической культуры в век информационных технологий?»

В России даже появился термин, отражающий современные тенденции в области культуры и формирования личности: «образованец» (или «образованщина») — человек, получивший высшее образование, но лишенный духовности, подлинной интеллигентности, четкой системы нравственных ценностей. В современном лексиконе появилась и новая мифологема — «образовательные услуги». В этом случае образование отождествляется с процессом потребления знаний, навыков и умений, необходимых для профессиональной деятельности. Напряжение, терпение, поиски истины как необходимые этапы формирования «интеллектуального наслаждения», которое, по Аристотелю, является непреходящим и отличает господина от раба, заменяются процедурой усвоения «положительных социальных навыков». Так, например, в публичных школах США можно

¹ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М., 1992, с. 275.

² Там же.

³ Громыко М.В. Интернет, постмодернизм и современное образование // Методология: вчера, сегодня, завтра. — М., 2005, т. II, с. 216.

получить зачет, играя весь день в баскетбол, если математика не дается (в частных школах все по-старому). Это школы «социального сдерживания» (точнее, классового), когда в условиях массового спроса на ценность общедоступного образования выхолащивается его действительное содержание. Нечто подобное заложено и в так называемом Болонском процессе, фактически предопределяющем разделение на элитарное и массовое образование.

В советское время, несмотря на профанирующее влияние лозунга о политехнической школе, образование (особенно высшее) сохраняло свой сакральный статус. Преподавание марксизма с его постулатом объективности законов природы и общества, на что так яростно нападал К. Поппер, уравнивало диалектическую антиномию светского и священного. Даже в период деидеологизации сакральное сохраняло свое присутствие в виде направлений реформы образования во времена перестройки — фундаментализации, гуманизации и гуманитаризации. Последовавший затем отказ от этих ценностей привел к трансформации сакрального в образовании в профанируемые псевдоценности технократизма, прагматизма и глобализма, которые не соответствуют исторической традиции образования. Наступило господство конструктивизма, под флагом которого расцвел солипсизм и просто воинствующее невежество. В процессе осквернения сакрального симулякр российского образования превратился в фальсификат.

Следовательно, трансформация ценностей привела к деформации миссии образования — как гармонизации деятельности человека и общества, так и процесса развития самого человека. Классический идеал образования предполагал изменение самого человека в процессе овладения новым знанием, тогда как в условиях информационного бума современным идеалом знания стало накопление знания, а целью познания человека — компьютеризированный образ мира, в котором нет места человеку. Именно поэтому М. Хайдеггер считал столь востребованной в современном обществе древнегреческую пайдею. С точки зрения Хайдеггера, совпадение понятий «пайдейя» и «образование» является не случайным, поскольку образование еще Платоном рассматривалось как развертывающее формирование и как

процесс, который формирует нечто новое в соизмерении с определенным образцом. Противоположена пайдейе апайдевия (необразованность), которая не предусматривает развертывания «основополагающей установки и не дает определенного прообраза»¹. Следовательно, назначение образования — дать человеку смысл, форму и содержание всего сущего, т.е. выявить ценностные характеристики знания в деятельности образования. В этой связи возникает проблема поиска новой системы ценностных установок, позволяющих преодолеть кризис современного образования.

М. Кастельс отмечал, что доминирующей тенденцией в современном обществе является «исторический реванш пространства, структурирующего темпоральность»². Это историческое пространство названо социологом «пространством потоков», а именно потоков капитала, информации, технологии, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Причем потоки — это не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в экономической, политической и символической жизни современного общества³. Фактически процессы, или, в терминологии Кастельса, потоки, происходящие в названных выше сферах, формируют новую пространственную форму, которая может быть названа виртуальным пространством. Виртуальное пространство растворяет время, разупорядочивает последовательность событий и делает их одновременными, превращая жизнь общества в «вечную эфемерность». В таких условиях знание образовательных практик превращается в потоки информации, стихийно функционирующие и превращающиеся в своеобразный фрагментарно-интеллектуальный хлам.

Вместе с тем людям присуща экзистенция «как форма существования среди всего сущего». Эта мысль М. Хайдеггера весьма значима в плане возможностей приобретения сущностного, важного для формирования мировоззрения и про-

¹ Хайдеггер М. Учение Платона об истине // *Время и бытие*: статьи и выступления. — М., 1993, с. 350.

² Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. — М., 2000, с. 434.

³ Там же.

фессиональной идентичности знания. М. Хайдеггер утверждал, что «корреляция мира и воли бытия» возможна лишь в аспекте заботы и значимости¹. Понятие «значимость» определяет отношение необходимости приобретения знания, что в свою очередь связано с тем, какие ценности востребованы в обществе. Еще Сократ утверждал, что нельзя научить, но можно научиться, если сам человек стремится к такому знанию. М. Хайдеггер, по сути, продолжая мысль античного философа, отмечал, что «реальность, действительность можно прояснить лишь тогда, когда бытие, реальное присутствует, обнаруживает себя»², причем «самообнаружение мира следует понимать как присутствие и настоящее»³. Таким образом, Хайдеггер постулирует взаимосвязь ценностных оснований и темпоральных характеристик социальной реальности, определяющих цели и мотивы поведения человека.

В системе исходных представлений об образовании, характерных для античной философии, можно обнаружить рациональные основания возможного духовного и нравственного развития, основанного на идее истинного знания, т.е. знания, находящегося в согласии с бытием. Очевидно, что в современной культуре происходит разрыв знания и бытия. Вследствие этого знание не дает понимания, и понимание не увеличивается благодаря росту знания. Понимание зависит от отношения знания к бытию, это равнодействующая знания и бытия. Понимание — это бытийственная сторона содержания знания, предопределяющая осмысление человеком своего места в мире⁴. В силу утраты представления о времени как «горизонте бытия»⁵ процесс понимания в образовательных практиках искажается, превращаясь в комментарии или формальные клише, необходимые

для запоминания, что превращает учебный процесс в схоластическое начетничество. Следовательно, время становится для нас духовным пространством, т.е. онтологической характеристикой культуры, в которой моменты длительности и дления прошлого и будущего выступают взаимодополнительными гранями становящегося бытия настоящего. Иначе говоря, структура времени представляет собой не только сочетание абстрактных модусов — прошлого, настоящего и будущего, но и совокупность времен, взятых как срезы живого организма культуры. При этом темпоральность имплицитно присутствует в образовательном процессе, предопределяя и определяя его ценностные детерминанты.

Подводя итог, подчеркнем, что образование есть непрекращающийся процесс функционирования сознания и развития интеллекта человека. Можно сказать, что образование — это процесс формирования общественного и профессионального сознания, процесс развития культуры и цивилизации. Миссия образования — прогресс общественного развития во всех направлениях, гармонизация деятельности человека и общества в гуманитарном, научно-техническом, экологическом, экономическом направлениях развития. Однако в современных условиях общественного развития эти аксиомы оказываются лишь идеалом, весьма значимым, но вряд ли достижимым. Причиной тому является потеря ценностной ориентации, во многом связанная с информационно-технологическим развитием. Следствием этого оказывается кризис компетентности и профессионализма личности. Трансформация образования в технократизм, прагматизм, глобализм и другие подходы не соответствуют исторической традиции образования. В этой связи формирование системы ценностных установок, транслирующей «живое», «становящееся», темпорально-прогностическое знание, ориентированное на «человеческое» в человеке, будет способствовать как развитию человеческой субъектности, целостности, ответственности, так и преодолению разрыва между образованием и культурой.

¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск, 1998, с. 232.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Философия науки XX века и историография науки : сборник. — СПб., 2008, с. 247.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. — М., 1997, с. 437.